

УДК 947.083

ВОПРОС О ПОСЛЕДСТВИЯХ УСКОРЕННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

© 2010 С.В. Беспалов

Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва

Поступила в редакцию 19.12.2009

В статье анализируется полемика, развернувшаяся в российском обществе на рубеже XIX – XX вв. по вопросу о последствиях правительственной политики, направленной на обеспечение ускоренного развития отечественной индустрии. Рассмотрены позиции народников, либеральных и консервативных экономистов и общественных деятелей относительно жизнеспособности молодой российской промышленности.

Ключевые слова: Россия конца XIX – начала XX в., экономика, экономическая политика, общественная мысль, индустриализация, промышленный протекционизм, либералы, консерваторы, неонародники, оппозиция.

Реализация под руководством С.Ю. Витте правительственной программы ускоренной индустриализации России, стержнем которой являлась политика промышленного протекционизма, к концу 1890-х гг. уже начинала приносить вполне ощутимые результаты – как позитивные, так и ущемлявшие интересы ряда социальных групп. Неудивительно поэтому, что в конце XIX века в российском обществе разворачивается оживлённая дискуссия о покровительственной политике, результатах её осуществления и перспективах дальнейшей реализации данного курса. Особенно же острый характер эта полемика приобрела в начале 1900-х годов, в период поразившего отечественную промышленность кризиса, который дал основание противникам С.Ю. Витте поставить под сомнение результаты проводившейся им политики. В этой полемике, как нам представляется, ключевым являлся вопрос о жизнеспособности отечественной индустрии или, иначе говоря, об обеспечении органичного развития создававшейся российской промышленности.

Аргументы Витте, как и Д.И. Менделеева, выступавшего в роли ведущего идеолога ускоренного индустриального развития, в пользу проведения покровительственной политики по отношению к промышленности, хорошо известны¹. Что же касается воззрений противников этого курса, то следует отметить, что основные аргументы против ускоренной индустриализации и, в частности, против промышленного протекционизма были сформулированы ещё в трудах экономистов-народников 1880-х – начала 1890-х гг. Так, например, В. Воронцов утверждал, что теория протекционизма есть учение, “противное нравственному чувству... В своих истинных интересах люди солидарны, а не враждебны... Тео-

рия же протекционизма, напротив того, предполагает противоположность национальных интересов; она учит, что выгода одного народа есть потеря для другого... Она смотрит на народы, как на врагов, а не как на товарищей”. Кроме того, всякий протекционизм неизбежно “стесняет то, в чём нуждаются сами покровительствуемые”, т.е. потребление. Поэтому “не от иностранцев защищает нас тариф, а от нас самих”². По мнению Воронцова, “хотя покровительственными мерами и можно помочь какому-либо производству, благоразумнее будет предоставить дело частной инициативе, ибо на практике выгоду от протекционистской политики получает не страна в целом, а лишь горстка крупнейших производителей, прибыль которых существенно возрастает”³. Против насаждения промышленности выступал и другой известный экономист-народник – Н. Даниельсон. По его словам, если вначале “особенным предметом поощрения” со стороны государства являлись железные дороги, то постепенно покровительственная политика стала распространяться на всё новые отрасли добывающей и обрабатывающей капиталистической промышленности”, причём по мере развития этой промышленности увеличивалась и степень покровительства ей, что возлагало на плечи русского народа тяжкое бремя⁴.

Но всё же именно в период деятельности С.Ю. Витте на посту министра финансов полемика о протекционизме стала наиболее оживлённой. С наиболее резкой критикой правительственной политики 1890-х – начала 1900-х гг., направленной на форсированное развитие промышленности, выступали неонародники. Типичной для них является позиция А.В. Пешехонова. По словам лидера партии народных социалистов, основным устоем, на котором держалась финансовая и экономическая политика “отживающего строя”, было “покровительство городу в

*Беспалов Сергей Валериевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: sbesp@mail.ru*

ущерб деревне”. Переплаты, которые русской деревне приходится делать практически за все промышленные товары, составляют сотни миллионов рублей в год и являются основой быстрого роста производства; “вместе с усилением протекционизма росли, конечно, и размеры этой дани”⁵. Пешехонов считал, что стремление С.Ю. Витте поднять страну на уровень самодовлеющей хозяйственной единицы и освободить народное хозяйство от “зависимости от чужого труда и чужого рынка... навечно... национализмом, при котором благо государства-нации мыслится как нечто самостоятельное и независимое от блага населения”. Но такое благо, утверждает лидер энесов, – чистейшая фикция, поскольку “нет субъекта, который воспринимал и ощущал бы это общенациональное благо”. Кроме того, по словам Пешехонова, “теперь... в экономической жизни борьба между нациями уступила место борьбе между классами”: поэтому социальная зависимость для народных масс гораздо важнее национальной. Стремление же к национальной независимости “в период превращения национальных хозяйств в единое мировое” означает, по мнению Пешехонова, не что иное как попытку идти наперекор истории⁶.

Крупнейший теоретик неонародничества В.М. Чернов полагал, что правительство своей политикой содействует развитию в России “особого, специального вида капитализма, именно капиталистического паразитизма”. Вообще, по мнению Чернова, чем позднее та или иная страна вступает на путь индустриального развития, тем болезненнее оказываются “те метаморфозы, которые связаны с завоеванием капитализмом внутреннего рынка, разрушением натурального хозяйства... Много отнимая у населения и мало давая ему, капитализм, естественно, не испытывает недостатка во враждебном к себе отношении”⁷. В то же время в условиях низкой конкурентоспособности национальной промышленности не только на внешнем, но и на внутреннем рынке “для буржуазии пропорционально возрастает потребность во внешней поддержке, покровительстве, даже опеке”. Таким образом, “прогрессивное, творческое значение или, если угодно, “европеизм” буржуазии... стоит в обратном отношении к времени выступления страны на путь капиталистического развития”⁸.

Однако основными своими оппонентами идеологи правительственного курса считали не столько неонародников, сколько куда более влиятельных консерваторов, в том числе представителей поместного дворянства, с одной стороны, и (в меньшей степени) либеральной оппозиции, с другой. Тезис об искусственности и неспособности к существованию без масштабной государственной поддержки “насаждавшейся” промышленности встречается в работах многих экономистов и государственных деятелей, причём как

консервативной, так и либеральной ориентации. Например, руководитель Земского отдела МВД В.И. Гурко считал, что большая часть российских заводов поддерживается на плаву искусственными мерами, прежде всего огромными казенными заказами; в результате в России “не фабрика обогащает население, а население фабрику”⁹. В отличие от западноевропейских государств, где, по мнению Гурко, “начало процветанию промышленности положило зажиточное сельское население”, что предопределило устойчивость индустриального развития этих стран, в России фабриканты настолько же богатеют, насколько беднеет народ; со временем платежеспособный спрос населения будет окончательно подорван, и тогда “никакие уже меры не будут в состоянии отстоять промышленной деятельности от полного упадка”¹⁰. Таким образом, если основным направлением экономической политики не станет поддержка сельского хозяйства, то и отечественная промышленность со временем неминуемо погибнет¹¹.

Значительная (если не большая) часть представителей поместного дворянства – основных противников промышленного протекционизма – выступала против политики капиталистической модернизации в принципе, видя в этом курсе угрозу своим жизненным интересам и подвергая министра финансов постоянным нападкам (как писал А.Ф. Кони, “пускали шип по-змеиному”¹²). Точку же зрения тех представителей “первенствующего сословия”, кто, не выступая против политики индустриализации в принципе, подвергал резкой критике методы проведения этого курса правительством России, достаточно полно выразил К.Ф. Головин – по словам известного советского историка П.А. Зайончковского, “один из реакционных публицистов и к тому же чиновник”¹³ (хотя и вышедший в отставку, но по-прежнему весьма влиятельный); в будущем – видный деятель “Объединённого дворянства”. По мнению Головина, “одностороннее направление финансовой политики, озабоченной быстрою надстройкою второго промышленного этажа над разваливающимся зданием сельскохозяйственного производства, приводит к поразительному контрасту между расширением экономической деятельности государства и застоём развития внутри этого самого государства”¹⁴. Результатом этой политики стала парадоксальная ситуация: “у бедного и не предприимчивого народа богатое и очень деятельное правительство”. И цель, казалось бы, достигнута: в стране, где отечественные капиталы накапливаются медленно, ещё медленнее разрабатываются собственные природные богатства и практически отсутствует прогресс в “главном промысле” – сельскохозяйственном производстве, искусственно вызваны признаки экономического оживления. Привлечены и задействованы крупные суммы, быстро идёт постройка новых

фабрик и железных дорог, растёт размер государственного бюджета, банки и промышленные предприятия “размножаются” невиданными темпами. И “власть служит главной пружиной этого форсированного оживления”. Очевидная нехватка как капиталов, так и, в особенности, предпринимательской инициативы для открытия новых предприятий и расширения старых может быть компенсирована привлечением иностранных капиталов. Однако правительство забывает при этом о главном – “для успешного выполнения такой смелой и грандиозной задачи необходимо, чтобы одновременно с промышленностью росло и производство сырья (под сырьём здесь подразумевается главным образом используемая в промышленном производстве сельскохозяйственная продукция – С.Б.), и росло не только в ширь, но и в глубину”, так как, во-первых, перерабатывать отечественное сырьё выгоднее, чем импортное, во-вторых, для обеспечения устойчивости международного экономического положения страны и прочности национальной валюты необходимо стремиться к достижению максимально активного расчётного баланса, и, в-третьих, молодой российской индустрии, не имеющей возможности экспортировать сколь-нибудь значительную часть своей продукции, необходим ёмкий внутренний рынок, который может предоставить ей только отечественное земледелие. Таким образом, утверждает Головин, в основу здорового экономического роста должно быть поставлено развитие сельского хозяйства; а именно этого в России и не было сделано¹⁵.

Головин отмечает, что в отраслях промышленности, основанных на переработке сельскохозяйственной продукции, например в кожевенном, суконном, шерстяном, льняном производстве, в конце XIX в. рост либо был крайне незначительным, либо вовсе отсутствовал, что обуславливалось в значительной степени слабостью покупательной способностью населения страны и тяжёлым положением аграрного сектора экономики. А блестящим расцвет российской промышленности, по его мнению, можно было признать только в двух сферах – в добыче и переработке ископаемых ресурсов и в химическом производстве, и “результат здесь достигнут двумя сильно действующими стимулами – казёнными заказами и привлечением иностранных капиталов”. Следовательно, по мнению Головина, показатели, характеризующие быстрый экономический рост в России конца XIX века, являются не результатом внутреннего естественного процесса “самодетальности страны”, а показателем “энергии, с которой эта деятельность возбуждается впрыскиванием правительственных и иностранных капиталов”, результатом искусственного подогревания национальной экономики извне. Однако все эти меры создают лишь подобие обогащения страны, “вызывая призраки народного довольства, как бы

освещённый бенгальским огнём на тусклом фоне всеобщей бедности”¹⁶.

Не столь критично оценивал политику Витте другой видный консервативный политик – П.Х. Шванебах, занимавший на протяжении нескольких лет пост Государственного контролёра, а впоследствии ставший членом Государственного Совета. Отмечая, что в результате правительственной политики, стимулирующей промышленный рост, в стране в последнее десятилетие XIX века создано немало новых рабочих мест, в результате чего “в города и на фабрики народ, что называется, валом валит”, а деревня “переживает процесс усиленного выделения из своей среды элементов новой общественной группы”, то есть формируется пролетариат, стремящийся окончательно порвать с землёй, Шванебах полагает, что, хотя данный процесс является весьма болезненным (в том числе и для помещиков, многие из которых потеряли возможность обеспечивать себя работниками за приемлемую для них плату и вследствие этого оказались на грани разорения), тем не менее “в конце концов не что иное, как этот самый процесс, выручит земледелие из современных его бед и вознаградит наш коренной промысел за жертвы, какие он несёт ныне вследствие непосильного соперничества с заводом”: с одной стороны, деревне при сохранении экстенсивного хозяйства никогда не удастся прокормить растущее из года в год количество малоземельных или уже обезземеленных крестьян, с другой, переход к более цивилизованным формам ведения хозяйства станет возможен лишь тогда, когда в результате индустриализации возникнет достаточно массовый слой городских потребителей сельскохозяйственной продукции¹⁷. Но в то же время “вовсе не безразлично, как совершится эта социальная эволюция”. А последствием вспыхнувшей в стране в конце XIX века “учредительской горячки и упорной веры в неиссякаемость капитала”, по мнению Шванебаха, со временем вполне могло бы стать закрытие огромного количества наспех созданных и не имеющих обеспеченного сбыта своей продукции предприятий, в результате чего началось бы обратное движение в деревню бездомных людей с остановившихся заводов, что стало бы настоящей катастрофой и для деревни, и для страны в целом. Поэтому, полагает П.Х. Шванебах, промышленную политику следовало бы проводить гораздо более осторожно и сбалансированно и наряду с этим обеспечить хотя бы наиболее депрессивным аграрным регионам России определённую бюджетную поддержку¹⁸.

Оппозиция правительственному курсу со стороны консерваторов была достаточно мощной. Однако, как справедливо отмечает А.П. Корелин, “дворянские силы... оказались разрознены в результате различного понимания как особенностей нового времени, так и задач высшего сословия в

изменившихся условиях”¹⁹. В значительной степени именно поэтому С.Ю. Витте удавалось в целом последовательно проводить свою линию.

Преобладающими среди либеральных общественных деятелей и экономистов также являлись весьма критические оценки правительственного экономического курса. Так, крупный экономист И.Х. Озеров хотя и отмечал, что достигнутые в деле индустриализации успехи “позволяют с твердой верой смотреть на наше положение”, в то же время указывал на существенные недостатки в проведении протекционистской политики, важнейший из которых заключался “в чересчур быстром, во что бы то ни стало, выращивании у нас именно крупной промышленности”²⁰. Кроме того, хотя государственная поддержка отечественной промышленности и необходима, в то же время “протекционизм огульный... не может принести хороших плодов”. Озеров указывал также, что чрезмерное влияние на правительство лоббистских группировок “дает повод предпринимателям слишком полагаться на субсидии и таможенные ставки”, которые, по мнению экономиста, следует назначать на строго определенный срок для поддержки той или иной отрасли промышленности²¹. По мнению И.Х. Озерова, российский таможенный тариф в целом ряде случаев не столько содействовал развитию промышленности, сколько задерживал его “безалаберностью своих ставок”, будучи принят “под влиянием односторонних интересов”. Нередкими являлись случаи, когда “одной рукой даётся, а другой берётся”: так, высокими пошлинами некоторое время облагался даже импорт промышленного оборудования, не производившегося в России²².

Не менее известный либеральный экономист П.П. Мигулин, отмечая, что С.Ю. Витте в бытность свою министром финансов считал главной целью содействие подъему производительных сил страны, полагает в то же время, что задачу эту он понимал довольно узко. Витте, по словам Мигулина, пытался сделать из России страну не земледельческую, а промышленную; поэтому для развития аграрного сектора никаких мер не предпринималось²³. Ничего не давая сельскому хозяйству, правительство возложило на него тяжкое бремя ради обеспечения ускоренного развития промышленности. В то же время, создав искусственную промышленность, “г. Витте временно оживил страну и дал заработки массе населения. Но он не дал нашей скороспелой промышленности одного: рынков для сбыта ее продуктов”. Единственно возможными потребителями промышленной продукции, по словам Мигулина (и в этом принципиальное отличие его позиции от взглядов народников) могли бы быть “только наши же земледельческие классы, которые были разорены”; в такой ситуации положение отечественной индустрии не может быть по-настоящему прочным²⁴.

Во многом аналогичной, но всё же более взвешенной была позиция по вопросу о последствиях

правительственной промышленной политики выдающегося российского социолога и экономиста, крупного общественного деятеля М.М. Ковалевского. Он полагал, что Россия “самою природой своей... и характером занятий массы своего населения” призвана быть преимущественно крупным производителем сельскохозяйственной продукции. Но в то же время “не менее химерично было бы и говорить, что промышленность вовсе не способна к естественному развитию, потому только, что ей некуда сбывать свои продукты, т.к. мировые рынки заняты... Какого ещё желать лучшего рынка для нашей промышленности, как не того, который представляет население, удваивающееся каждые пятьдесят лет”²⁵. Однако как раз ради обеспечения устойчивого сбыта продукции промышленных предприятий государству следовало бы озаботиться обеспечением благосостояния потребителей – крестьян. Соответственно, по мнению Ковалевского, большая часть ошибок в правительственной экономической политике вытекала из желания любыми средствами поддержать отечественную промышленность в ущерб сельскому хозяйству²⁶. Российская промышленность, полагал Ковалевский, развивалась в основном усилиями государства начиная с эпохи Петра Великого; однако из этого отнюдь не следует, что так будет и в дальнейшем. В отличие от большинства оппонентов правительства, он отмечал, что в конце XIX века развитие промышленности постепенно “принимает иное направление”²⁷. Тем не менее, по убеждению Ковалевского, несмотря на всё это, Россия на рубеже XIX – XX веков оставалась ещё очень далека от обеспечения баланса “между развитием промышленности и прогрессивным поднятием народного благосостояния”; большинство отраслей промышленности существовало “лишь для удовлетворения спроса небольшого числа зажиточных людей”. Поэтому основной задачей государства он считал повышение “благосостояния наших трудящихся классов” и создание тем самым в их среде совершенно новых потребностей, которые, в свою очередь, обеспечили бы устойчивый рост отечественной индустрии и создание миллионов новых рабочих мест²⁸.

Итак, покровительственная система, являвшаяся основой правительственной политики индустриализации, вызвала в обществе массу нареканий вследствие её неблагоприятного воздействия (прежде всего повышения цен) на жизненный уровень населения страны. Наряду с этим отсутствие конкурентной среды и чрезмерная ориентация многих фабрикантов на государственные заказы вызвали сомнения в жизнеспособности молодой российской индустрии. Но успешный выход России из тяжёлого промышленного кризиса, не ставшего, вопреки многочисленным прогнозам, катастрофой для большинства предприятий, начавшийся процесс исправления диспропорций в структуре отечественной

индустрии показали необоснованность подобного рода опасений. Кроме того, именно создание относительно развитой индустрии стало одной из важнейших предпосылок начала преобразований в аграрном секторе. Ценой немалых усилий Витте и его единомышленникам всё-таки удалось отстоять необходимость продолжения протекционистской политики. Изданное в 1900 году Высочайшее повеление (составленное А.Н. Куломзинным) провозглашало, что “твёрдость и последовательность в делах экономики и народного хозяйства, если не более, чем в других отраслях государственного управления, то в равной мере составляют главнейшее условие успеха”, а потому преждевременный отказ от покровительственной политики недопустим²⁹.

Можно констатировать, что оппонентами правительства были верно подмечены некоторые недостатки и “перегибы” в осуществлении покровительственной политики, однако не было предложено серьёзной альтернативной программы. Противопоставляя его промышленной политике передовых индустриальных держав Запада, они игнорировали тот факт, что практически все эти страны прошли в своем развитии этап государственной поддержки молодой промышленности; для России же, начавшей индустриализацию позже других и в силу этого вынужденной форсировать данный процесс, отказ от покровительства национальной промышленности означал бы включение её в систему международных экономических отношений далеко не равноправным партнером индустриально развитых держав.

Отметим в заключение, что возвращение к промышленному протекционизму в первой половине 1900-х гг. целого ряда высокоразвитых европейских стран явилось доказательством несостоятельности представлений о том, что эта политика является уделом лишь слаборазвитых государств. Во многом именно по этой причине начиная с середины того же десятилетия дискуссия о промышленном протекционизме постепенно становится всё менее оживлённой. Новый этап промышленного роста, начавшийся в конце 1900-

х гг., по сути, снял все вопросы относительно жизнеспособности российской индустрии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Витте С.Ю.* О положении нашей промышленности. Всеподданнейший доклад // Историк-марксист. 1935. №2–3; *Менделеев Д.И.* Письмо Государю. О покровительстве русской промышленности // Сочинения. Т. XXV. Л.-М., 1952.
- ² *В.В. Генри Джордж* о протекционизме // Северный вестник. 1886. №12. С.5, 9
- ³ Там же. С.17, 28, 31.
- ⁴ *Николай-он.* Нечто об условиях нашего хозяйственного развития // Русское Богатство. 1894. №4. С.5.
- ⁵ *Пешихонов А.В.* Экономическая политика самодержавия (Централизация экономической власти). СПб., 1906. С.43-44.
- ⁶ Там же. С.46.
- ⁷ *Чернов В.М.* Типы капиталистической и аграрной эволюции // Русское Богатство. 1900. № 4. С.156.
- ⁸ Там же. С.157.
- ⁹ *Гурко В.И.* Устои народного хозяйства России. СПб., 1902. С.67.
- ¹⁰ Там же. С.66.
- ¹¹ Там же. С.194.
- ¹² *Кони А.Ф. С.Ю. Витте* // Собрание сочинений. Т. V. М., 1968. С.249.
- ¹³ *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С.150.
- ¹⁴ *Головин К.* Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887 - 1898. СПб., 1899. С. XII.
- ¹⁵ Там же. С. XII-XIII.
- ¹⁶ Там же. С.112-114, 132.
- ¹⁷ *Шванебах П.Х.* Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С.225-226.
- ¹⁸ Там же. С.226, 235-236.
- ¹⁹ *Корелин А.П., Степанов С.А.* С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998. С.84-85.
- ²⁰ *Озеров И.Х.* Экономическая Россия и её финансовая политика на исходе XIX и в начале XX веков. М., 1905. С. VII.
- ²¹ Там же. С. VIII-X.
- ²² РНБ ОР. Ф.541. Ед. хр. 19. Л. 2-3.
- ²³ *Мигулин П.П.* Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. Харьков, 1910. С.387.
- ²⁴ Там же. С.387-388.
- ²⁵ *Ковалевский М.* Экономический строй России. СПб., 1900. С. 11-13.
- ²⁶ Там же. С.70.
- ²⁷ Там же. С.162.
- ²⁸ Там же. С. 175-176, 210, 214.
- ²⁹ ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Ед. хр. 1028. Лл. 1-1об.

CONSEQUENCES OF THE ACCELERATED INDUSTRIALIZATION IN THE RUSSIAN PUBLIC DEBATE OF THE END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY

© 2010 S.V. Bespalov

Institute of Scientific Information for Social Sciences, the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article covers the polemic in the Russian society at the turn of the XIX - XX centuries, concerning consequences of the governmental policy aimed at accelerated development of the domestic industry. Positions of Russian populists, liberal and conservative economists and public figures concerning viability of the young Russian industry are analyzed.

Key words: Russia of the end of XIX – beginning of XX centuries, economy, economic policy, public thought, industrialization, industrial protectionism, liberals, conservatives, neo-populists, opposition.